

Чэнь Чжэн попросил старшую медсестру поднять график работы У Ляньшань: в ночь на 4 октября, когда была убита «Цзэн Янь», девушка находилась на дежурстве в больнице. Тем не менее, Мин Хань под предлогом стандартной проверки всё же взял у неё биоматериал для анализа.

Завершив разговор, Мин Хань столкнулся с Чэнь Чжэном у лестничного пролета.

— Брат, ты здесь?

Чэнь Чжэн направился к выходу:

— Поговорим в машине.

Мин Хань ухмыльнулся:

— Так это не «пришел», а «специально ждал меня».

Время обеда давно прошло. Открыв дверь пассажирского сиденья, Мин Хань увидел пакет с едой и тут же почувствовал острую вспышку голода. Чэнь Чжэн переложил пакет на заднее сиденье:

— Купил в том самом магазине, где работает У Ляньшань. Выбирай, что нравится.

Мин Хань достал сэндвич с лососем и ветчиной:

— Ты даже на допросе умудряешься поддерживать чужой бизнес.

Чэнь Чжэн покосился на него:

— Я вообще-то и о твоём желудке позаботился.

— И то верно, — хохотнул Мин Хань.

Машина стояла в тени деревьев — в эти дни температура поползла вверх, и только здесь в полдень было прохладно. Чэнь Чжэн, который тоже еще не ел, зашуршал упаковкой онигири. На середине трапезы он спросил:

— Что скажешь об У Ляньшань? Какие ощущения после разговора?

Мин Хань ответил вопросом на вопрос:

— Ты же стоял за дверью. А у тебя какие ощущения?

Чэнь Чжэн повернул голову:

— Ты знал?

— Базовая подготовка оперативника мобильной группы — бдительность, — с ноткой хвастовства сказал Мин Хань. — Я понял, что ты там, как только ты подошел к двери.

— Но я не видел её лица, — возразил Чэнь Чжэн. — Мимика — важнейшая часть сбора улик. Так что говори первый. К тому же...

— К тому же что? — любопытствовал Мин Хань.

— Не слышал поговорку «чей хлеб ешь, того и волю исполняешь»?

Мин Хань: ...

Чэнь Чжэн указал на последний кусок сэндвича:

— Ты взял самый дорогой, за двадцать один юань.

Мин Хань поспешно проглотил остаток, скомкал обертку и вскинул руки в жесте капитуляции:

— У Ляньшань кажется мне такой же странной деталью в жизни «Цзэн Янь», как и всё остальное. Она говорит, что они случайно познакомились на танцах. Детали сходятся: две одинокие девушки, родственные души, поладили как сестры — в этом нет ничего криминального. Но каждый раз, когда речь заходит о «Цзэн Янь», она буквально камнеет. У неё нет мотива для убийства, нет времени на него, она явно не причастна к смерти. Но её связывает с погибшей нечто иное, очень важное. И есть один момент, который я не могу переварить.

— Какой?

— Поссорившись с парнем, У Ляньшань идет именно к «Цзэн Янь». Если она так ей доверяла, что выложила всё самое сокровенное, почему на следующее утро, едва выйдя за порог, она стала вести себя как чужая? — рассуждал Мин Хань. — Стоило мне найти её, она сразу поняла, что «Цзэн Янь» мертва. Сама призналась, что заподозрила неладное, услышав про убийство в переулке. Для подруги её реакция слишком холодная.

Чэнь Чжэн немного подумал.

— А вот это я как раз могу понять. У Ляньшань кричала о разрыве, но в глубине души расставаться не собиралась. Ей просто нужен был «громоотвод» для эмоций. Близкие люди для этого не подходят, а «Цзэн Янь», не входившая в её основной круг общения, была идеальным вариантом. Ночью чувства обостряются, она наговорила лишнего — того, чего на самом деле не сделала бы. Она не собиралась ни бросать парня, ни становиться убежденной холостячкой, как её подруга. Поэтому ей стало неловко. А когда неловко — не хочется видеться. К тому же «Цзэн Янь» наверняка наговорила гадостей про её парня. А парень — это такая штука: самой ругать можно, но если ругает чужой — значит, виноват этот самый чужой.

Мин Хань подпер подбородок рукой, погружившись в раздумья. Чэнь Чжэн решил, что тот переваривает информацию, но спустя пару секунд глаза напарника азартно блеснули:

— А ты неплохо разбираешься в людях.

Чэнь Чжэн: ...

Мин Хань тут же вернулся к делу:

— «Странность» У Ляньшань идеально стыкуется со «странностью» самой «Цзэн Янь». — Он сложил руки, имитируя соединение деталей пазла. — Для «Цзэн Янь» У Ляньшань была почти незнакомкой. И всё же она пустила её в дом, открыла ей душу. Если забыть о том, как она заняла место прежней Цзэн Янь, и смотреть только на её жизнь торговли закусками, она кажется слишком наивной. Почти нет бдительности по отношению к чужакам.

— Но при этом она втайне сфотографировала У Ляньшань, — вставил Чэнь Чжэн.

— Именно! И это главный парадокс, — подхватил Мин Хань. — У Ляньшань была в шоке, когда увидела снимок. Она и подумать не могла, что её снимали исподтишка. Сегодня во время разговора она была на взводе, но именно на фото отреагировала острее всего.

— Если в доме не было третьего человека, то снимала «Цзэн Янь». Это поведение действительно трудно объяснить.

Мин Хань преувеличенно поежился:

— Твой «третий человек» звучит жутковато.

Чэнь Чжэн покачал головой:

— Снимала она сама или нет, фото было в её телефоне, значит, она знала о нём. Она намеренно сохранила его и спрятала аппарат. Убийца забрал тот телефон, которым она пользовалась открыто, а этот не нашел — и не смог уничтожить улику. Это фото — послание, которое «Цзэн Янь» оставила нам.

В машине наступила тишина. Наконец Мин Хань произнес:

— «Цзэн Янь» будто говорит нам, что её убила У Ляньшань.

— Я не дослушал ваш разговор, ушел проверять записи с камер. О чем еще вы говорили? — спросил Чэнь Чжэн.

— Я спросил, упоминала ли «Цзэн Янь» свою семью, особенно Цзэн Цюня. У Ляньшань была в замешательстве. Она сама много ныла про своих родителей, и ей казалось, что у них был взаимный обмен откровениями. Но когда я попросил деталей, она не смогла вспомнить ничего конкретного. «Цзэн Янь» просто поддакивала ей, когда та говорила. Единственное, что она запомнила — что Цзэн Цюнь готовил очень вкусные закуски.

Это было ожидаемо.

— «Цзэн Янь» — человек крайностей, — подытожил Чэнь Чжэн. — Кажется беззащитной, но прячет улики. Кажется искренней, но сама остается в тени. Она может наблюдать за всеми, но никто не видит её настоящую.

— Она и так не была настоящей, — хмыкнул Мин Хань.

Чэнь Чжэн потер переносицу:

— И снова мы в тупике.

До сегодняшнего дня фото и волосы в спальне считались ключевыми зацепками. Казалось, найдя человека со снимка, мы найдем причину убийства. Человека нашли, но причастность У Ляньшань практически исключена. Она принесла лишь новые вопросы, сделав портрет «Цзэн Янь» еще более размытым.

— Давно у меня не было такого чувства, — признался Чэнь Чжэн.

Мин Хань повернулся к нему:

— Пустота?

— Невозможно составить не то что профиль убийцы, но даже профиль жертвы.

— А что, если жертва сама была преступницей, потому профиль и не клеится? — предположил Мин Хань.

Чэнь Чжэн сидел, откинувшись на спинку сиденья. В те несколько секунд, пока они смотрели друг на друга, в голове наступила странная пауза. Внезапно он выпрямился:

— Раз путь через У Ляньшань заблокирован, значит, второй путь становится еще важнее. Ты напомнил мне об этом — ответ может крыться в личности Инь Цзинлю.

Мин Хань вдруг перебил его:

— Наконец-то заговорил?

— А?

— Я думал, придется ждать целую вечность, пока ты начнешь доверять своему напарнику и поделишься тем, что накопал в той лапшичной.

Их взгляды встретились. Несмотря на привычную улыбку, глаза Мин Ханя были очень темными. Такие глубины обычно ассоциируются с тайной и холодом. В этом блеске Чэнь Чжэн увидел свое отражение и вспомнил человека, обладающего схожими чертами. При первой встрече с Мин Ханем у него возникло то же чувство — их роднило не только созвучие «хан» в именах, но и нечто на уровне ауры. Поэтому Чэнь Чжэн иногда держался настороже — он не умел общаться с такими людьми.

Не желая мешать личное с работой, он кашлянул:

— Я не молчал специально. Просто зацепки были слишком разрозненными, без логики. Пока я их не систематизировал, рассказ бы только мешал следствию.

Мин Хань с интересом придвинулся ближе:

— И теперь ты всё систематизировал?

— Появилась предварительная идея, но в ней полно дыр, — признал Чэнь Чжэн.

— Ничего страшного. Мы, мобильные группы, славимся сообразительностью. Твое дело — дыры, мое — их латать.

Чэнь Чжэн выставил левую руку, останавливая лицо Мин Ханя в считанных сантиметрах от себя:

— Сейчас осень, а не лютая зима. Для «объятий ради тепла» еще рановато.

Мин Хань со смехом отодвинулся, но взгляд его мгновенно стал острым:

— Ты ведь предполагаешь, что смерть «Цзэн Янь» — это чья-то месть за Инь Цзинлю?

Чэнь Чжэн посмотрел в ответ и спустя мгновение кивнул:

— Да. Все видимые изменения произошли зимой-весной в выпускном классе Цзэн Янь. Инь Цзинлю исчез, Цзэн Янь резко отдалилась от старых друзей — Фэн Фэна, Вэй Ютая и

остальных. Прежнюю Цзэн Янь заменила нынешняя «Цзэн Янь», а самозванка бросила школу. Но если копнуть на год раньше... как минимум с Инь Цзинлю уже начали происходить странные вещи.

Чэнь Чжэн говорил спокойно, сложив руки на груди. Он не открывал блокнот, его голос был ровным и почти механическим. Сиди на месте Мин Ханя менее опытный опер, он бы счел его сейчас пугающим.

— Инь Цзинлю был открытым, общительным — совсем не похож на типичного заучку. Хотя его оценок хватило бы на любой топовый университет, он точно знал, чего хочет: поступить в летное училище и стать пилотом. Для пилота критически важно зрение, поэтому у него дома висела таблица Сивцева (проверочная таблица). Даже когда он ссорился с родителями и те срывали таблицу, он вешал её обратно. Учителя и родители пытались его переубедить, он спорил, а потом перешел к тактике «мирного неповиновения». В выпускном классе Инь Гаоцян уже почти сдался, но вдруг Инь Цзинлю сам сорвал таблицу и отказался от мечты.

— Что бы заставило тебя принять такое решение? — спросил Чэнь Чжэн.

Мин Хань ответил уверенно:

— Уж точно не внезапное «просветление» или осознание родительской правоты. Если он был так тверд в своих намерениях, значит, возникло объективное препятствие. Он больше не мог стать пилотом. А сорванная таблица... это был слишком эмоциональный жест.

— Именно. Даже если ты меняешь приоритеты, таблицу срывать ни к чему. Разве что само её присутствие причиняет боль. Каждый взгляд на неё напоминает: «твои глаза больше не годятся».

«Глаза больше не годятся».

Он стал плохо видеть. Путь в небо закрыт.

Чэнь Чжэн замолчал, будто сам погрузился в состояние Инь Цзинлю в тот момент.

— Инь Гаоцян говорил, что сын с детства берег зрение. Как бы много ни было уроков, он всегда делал перерывы, смотрел в окно, делал гимнастику для глаз, никогда не читал при плохом свете. Он даже в игры играл в меру. Всё подчинялось одной цели — соответствовать стандартам летчика. Но той зимой случилось нечто, изменившее всё. Группировка Цзэн Янь и Фэн Фэна устроила драку рядом с лапшичной. Инь Цзинлю бросился туда не раздумывая, он просто хотел всех помирить — такой уж у него был характер. Во время потасовки его ударили по глазам, но тогда он ничего не почувствовал. Когда приехала полиция, родители и учителя поспешили увести его, чтобы имя отличника не фигурировало в протоколах драки. Представь: он уже чувствует дискомфорт, но травма не видна снаружи. Отец и классный руководитель гонят его в школу, полиция спрашивает, в порядке ли он... Подросток в таком возрасте стерпит боль и скажет, что всё нормально.

— Но вернувшись в класс, он понимает, что не видит текст на доске. Не совсем ослеп, нет — просто картинка плывет. Протрет глаза — вроде лучше. Ему страшно, но он молчит. Гордость и упрямство не позволяют признаться. Он терпел до следующего дня, пока всё же не сказал отцу, что глаза болят. Но, возможно, тут же пожалел об этом. Все знают, что лечение глаз стоит огромных денег, а в семье их не было. Я не могу вообразить, как он мучился все те месяцы. Страх слепоты и крах мечты. Скорее всего, он сам ходил к врачу, но это уже не проверить. Врач сказал ему: зрение повреждено из-за удара. Для жизни хватит, но прежним

оно не станет никогда. Каждый день он смотрел на таблицу, где больше не мог разобрать нижнюю строчку. Он был всего лишь ребенком, который еще не видел жизни. В порыве отчаяния он сорвал таблицу и согласился на волю родителей — поступать в Лочэн на медицинский факультет.

Мин Хань, слушая эту реконструкцию, нахмурился:

— Принимая это решение, он, вероятно, думал, что сможет адаптироваться. Начнет новую жизнь. Но когда учеба в университете по нелюбимой специальности началась, когда перед глазами встало будущее, которого он не хотел... эмоции, копившиеся полгода, просто добились его. Поэтому для новых однокурсников он стал замкнутым, нелюдимым и странным — полной противоположностью тому парню, которого знали в Чжуцюане.

— Именно так, — подтвердил Чэнь Чжэн.

— Допустим, — кивнул Мин Хань. — А что дальше? Инь Цзинлю — скрытая жертва той драки. Но как именно его погубили Цзэн Янь и остальные?

— Когда ломается психика, меняется и человек. — В голосе Чэнь Чжэна зазвучал механический, почти неживой холод. — Эти дни я пытался поставить себя на его место. В таком возрасте, зависнув между школой и взрослой жизнью, видя вокруг успешных и богатых однокурсников и постоянно думая о похороненной мечте... я бы направил всю свою ярость на Цзэн Янь и Фэн Фэна. Он наверняка знал, кто именно ударил его в ту ночь. Он ненавидел их и хотел сатисфакции.

— «Сатисфакция» — это слишком мягко сказано. Он хотел мести, — поправил Мин Хань.

— Инь Цзинлю всегда был «хорошим мальчиком». Ненависть толкала его на месть, но у него не было для этого ресурсов. На зимних каникулах он вернулся в Чжуцюань, выследил Цзэн Янь и Фэн Фэна. Может, следил за ними, может, просто вышел навстречу. — Чэнь Чжэн описывал картину, возникшую в его сознании. — Он не мог действовать как бандит. Он бы просто стоял перед ними — нервный, неловкий — и пытался взывать к совести. В их глазах он был лишь жалким паяцем. Кто из них признал бы, что покалечил его? Никто. Они бы высмеяли его, начали бы издеваться над ним методами, которых отличник никогда не видел и не понимал.

— И в процессе этого Инь Цзинлю случайно убили? — спросил Мин Хань.

Чэнь Чжэн закрыл глаза:

— Это одна из версий. Есть и другая: Инь Цзинлю не выдержал унижений, сорвался и сам полез в драку. А в суматохе его «ликвидировали» в порядке самообороны.

Мин Хань присвистнул:

— Они в панике избавились от тела, испугались разоблачения и договорились больше никогда не встречаться. Каждый соблюдал уговор, поэтому, когда Цзэн Янь подменили, никто и не заметил. А спустя десять лет кто-то решил отомстить за Инь Цзинлю... вот только первой же жертвой стал не тот человек.

— Да, — подтвердил Чэнь Чжэн. — Мститель не знал, что нынешняя «Цзэн Янь» уже давно не та девушка, которую он искал.

<http://bllate.org/book/17170/1610165>